

РЕПОРТАЖ

Остров смерти. Последний маршрут Ивана Данилова

31 июля 2022 [Елена Шукаева](#)

Участники экспедиции "Мемориала" ставят крест на острове Назино

20 июня 2022 года в таежном поселке Назино Нарымского края на венце строящегося храма появился портрет молодого человека в форме военнослужащего царской армии времен Первой мировой войны. Так уралец Михаил Борисов увековечил память своего деда Ивана Андреевича Данилова, следы которого в 1933 году оборвались где-то в Сибири. Фотография времен Первой мировой – единственная, которая сохранилась в семье. Предполагается, что Иван Данилов погиб в годы репрессий на острове Назино вместе с тысячами других ссыльных.

Михаил Борисов и портрет его репрессированного деда на венце храма

Назинская трагедия – одна из самых страшных страниц российской истории XX века, символ бессмысленной жестокости системы ГУЛАГа. Всего за несколько недель мая – июня 1933 года на острове посреди Оби умерли от голода пять тысяч спецпереселенцев. Многие из них стали жертвами людоедства. С тех пор и по сей день Назино в народе так и называют – "остров Смерти" или "остров Людоед".

"В нашей избе был в то время заезжий двор. Колхоз обязывал нас принимать проезжих. Цыгане едут – цыган принимали. Потом я выписывала квитанцию, сколько людей было, сколько лошадей, и колхоз нам платил. На квартиру к нам попадали и высланные. Однажды побывала у нас и старушка со Смерть-Острова. Ее везли этапом. У нас в избе была прихожая, комната и две спальни. Женщину провели в дальнюю комнату на ночлег, и я увидела, что у старушки на ногах срезаны икры. На мой вопрос она ответила: "Это мне на Смерть-Острове отрезали и зажарили". Вся мякоть на икрах была срезана. Ноги от этого мерзли, и женщина обертывала их тряпками. Она самостоятельно двигалась. Выглядела старухой, но в действительности ей было 40 с небольшим лет".

(Из воспоминаний Феофилы Былиной, жительницы с. Назино)

"– Говорят, на острове было людоедство?"

– Было, было. Привязывали женщин к лесинам, груди отрезали, икры эти вот отрезали.

– На ногах?"

– Ну вот это вот мягкое место.

– И ели это мясо?"

– Они жарили на костре и ели. Ну, голод был, голод".

(Из рассказа крестьянки Марии Пановой, 1989г.)

Нарымский край занимает примерно четыре пятых территории Томской области в северной ее части, около 260 тыс. кв. км. Здесь 9 административных районов, самый северный из них – Александровский, в котором и находится село Назино и одноименный остров. "Большое видовое разнообразие кровососущих насекомых (комары, мошки, слепни, мокрецы и др.) создаёт летом невыносимые условия для людей и животных", – [сообщает](#) Большая российская энциклопедия.

– В Нарымский край в годы советской власти было выслано порядка 300 тысяч человек, – рассказывает председатель Томского "Мемориала" **Василий Ханевич**. – Туда выслались священники, епископы, бывшие политические деятели – меньшевики, эсеры, анархисты и т.д. С начала 30-х годов главный поток – это раскулаченные крестьяне. В предвоенные и военные годы – это депортация народов: немцы, поляки и другие. Что касается самого острова, то он в большей степени известен как место ссылки "деклассированных элементов".

Ушел и не вернулся

Иван Андреевич Данилов родился 26 июня 1886 года в семье парикмахера. От отца он унаследовал профессию и частную парикмахерскую в Москве, которую отобрали после революции. У Данилова была большая семья – жена и пятеро детей, в том числе – Любовь Данилова, будущая мать Михаила Борисова, члена Свердловского общества "Мемориал". Борисову 64 года, он на пенсии и живет в деревне под Первоуральском в доме, который построил своими руками.

Elena Shukaeva (RFE/RL)

Иван Данилов слева в верхнем ряду

– У деда был музыкальный слух и очень хороший голос, он даже пел в церковном хоре Елоховской церкви в Перово – той самой, где якобы в 1742 году тайно венчалась царица Елизавета Петровна с будущим графом Разумовским, – рассказывает Борисов. – В этом хоре примерно в одно время с отцом участвовал и знаменитый певец Федор Шаляпин. Мама вспоминала, что дед был в душе настоящий артист и устраивал для детей домашние спектакли с переодеванием, в которых сам исполнял все роли... Весной 1933 года Иван Андреевич якобы поссорился со своей женой, моей бабушкой, вышел из дома и больше не вернулся. Среди моих родственников рассказывали такую версию, что он, человек видный и обаятельный, увлекся и завел новую семью. Хотя весной 1933 года от него приходило письмо из Томской пересыльной тюрьмы с просьбой выслать ему туда парикмахерские инструменты. При помощи инструментов он надеялся заработать себе на пропитание, делая прически содержащимся там женщинам легкого поведения. Только теперь я начал понимать, что все разговоры о его "ветрености" и ссоре с бабушкой могли быть просто защитной легендой. Большую часть сознательной жизни я верил этим разговорам и даже не подозревал, что репрессии коснулись и нашей семьи тоже. Думаю, что и сейчас еще многие люди не знают настоящей правды о своих родных.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Томск: опубликованы первые списки ссыльных

После томского письма следы Ивана Данилова безнадежно теряются. Чтобы пролить хоть какой-то свет на дальнейшую его судьбу, Михаилу Борисову пришлось предпринять целое расследование.

– Я узнал, что в конце 1932 года тем, кто имел рабоче-крестьянское происхождение, в СССР начали выдавать первые советские внутренние паспорта. Бывшим дворянам, кулакам и капиталистам, отнесенным наравне с уголовниками и проститутками к "социально вредным" и "деклассированным" элементам, паспортов не полагалось. В то же время партийным руководством страны было принято решение о переселении таких "элементов" в районы Крайнего Севера для освоения новых земель. На улицах, вокзалах и в общественном транспорте органы ОГПУ стали проводить массовые облавы на людей, не имевших паспортов. Под эту депортационную кампанию, судя по всему, как раз и попал мой дед, ведь он как бывший нэпман советского паспорта не получил, – говорит Борисов.

Исторические источники свидетельствуют, что во время этих облав сотрудники ОГПУ зачастую хватали на улице всех без разбора, кто не имел при себе документов. Оперативной работы по установлению личности задержанных не проводилось, протоколы задержаний не составлялись. Задержанных сразу загоняли в грузовики, минуя места предварительного содержания, и отвозили напрямик к железнодорожным составам для этапирования в Сибирь.

9 и 30 апреля 1933 года из Москвы и Ленинграда были отправлены в Сибирь на трудовое поселение два эшелона так называемых "деклассированных элементов" – всего 6144 человека. Эшелоны со ссыльными прибыли сначала в город Томск. Возможно, поэтому весной 1933 года москвич Иван Данилов обнаружился в Томской пересыльной тюрьме.

В Томске ссыльных пересадили из поездов на баржи, а уже оттуда речным путем отправили в Нарымский округ.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Жизнь на острове смерти. Назинская трагедия – одна из самых страшных страниц в российской истории XX века →

Поскольку у Ивана Андреевича Данилова, как и у тысяч других людей, пострадавших от большевистских репрессий, не осталось даже могилы, где можно было бы почтить его память, его внук Михаил Борисов решил совершить свое собственное путешествие в село Назино, к несуществующей могиле деда, и установить там памятный знак с его портретом. Первую часть путешествия единомышленники из екатеринбургского и томского "Мемориалов" совершили летом 2021 года.

– В прошлом году мы посетили старую железнодорожную станцию в Томске, куда привозили ссыльных, побывали у стен Томской пересыльной тюрьмы и пешком прошли до набережной реки Томь, тем самым путем, которым гнали этапы ссыльных, чтобы погрузить их на баржи, – рассказывает Борисов.

Река Обь

Согласно документам, 18 и 26 мая 1933 года обе партии заключенных, которых вывезли баржами из Томской пересыльной тюрьмы, высадили на реке Оби возле устья реки Назинка, на острове Назино, напротив одноименного поселка. Прибыли туда вместе с другими парикмахер Иван Данилов или погиб еще в дороге, умер ли он уже на острове или ему удалось волшебным образом спастись – история умалчивает. Запросы Борисова и его сестры в архивы МВД Московской и Томской областей результатов пока не дали. Михаил предполагает, что его дед, скорее всего, разделит судьбу подавляющего большинства погибших на острове Назино.

"Я не знаю, кто их охранял, никуда не выпускали и работы им не давали и ничем не обеспечивали. А у нас заплот такой был с воротами высокими. А закрывать их зачем мы будем? Три семьи у нас поселилось, еще ни скотины, ничего нету... Они и не закрывались у нас – ворота. Вот утром выйдешь – елки зеленые, полная ограда покойников, ступить негде. Прямо лежали, как бревна. Вот сидим мы, ребяташки, а они, значит, лезут в окно: помираю, погибаю, опустился и – готов".

(Из воспоминаний Александра Наумова, жителя села Усть-Тым)

"Слава богу, мама не узнала"

В июле 2022 года к поездке, повторяющей последний маршрут Ивана Данилова, присоединилась также невестка Михаила Евгения Борисова и двое внуков. Еще одним участником экспедиции стал режиссер-документалист Денис Бевз из [Томской телекомпании ТВ-2](#). Денис и его коллеги уже несколько лет работают над циклом документальных фильмов "Антропология террора". Сейчас готовится к выходу третий фильм этого [цикла](#), который будет посвящен острову Назино.

Три дня пути на автомобилях, потом шесть часов на быстроходном катере – и глазам путешественников предстает таежный поселок, где еле-еле ловит сотовая связь и практически отсутствует интернет. Здесь с вероятностью 99,99 процента каждый поселянин – потомок репрессированных по тем или иным основаниям. На пристани путешественников встретил глава поселка Назино **Валерий Штатолкин**.

– Когда мы приехали, нас встретил человек, который улыбался во всё лицо, причём это было не наигранное веселье, а искреннее добродушие и дружелюбие к людям, – говорит **Евгения Борисова**. – Больше всего в этой поездке меня впечатлила дикая природа и его улыбка.

Валерий Штатолкин

Валерий Штатолкин руководит поселком уже 15 лет, в течение этого времени на деньги частных благотворителей в селе потихоньку возводится храм в память о погибших в годы репрессий на Назинском "острове Смерти". Сейчас все основные работы уже закончены, в храме проходят крещения и отпевания. Осталось завершить внутреннюю отделку.

Остров Назино на реке напротив поселка сегодня необитаем, но до сих пор редкие путешественники натываются здесь иногда на человеческие останки. Часть острова в последние десятилетия размыва беспощадная река. В 1993 году здесь установили первый деревянный поклонный крест в память о назинской трагедии, но его снесло наводнением. Тогда неравнодушные люди установили еще один, поменьше, на значительном удалении от берега, чтобы его не смыло в половодье, и тот крест совершенно незаметен с воды. Поэтому участники экспедиции решили поставить еще один крест на самом берегу, чтобы его было видно с проплывающих мимо речных судов.

Берег Оби

Пятиметровый деревянный крест лежал возле храма – его сколотили как раз к приезду экспедиции. Моторной лодкой его доставили на остров. Перед установкой крест тщательно пропитали олифой, а вместо мемориальной таблички прикрепили кусок бересты, на котором шариковой ручкой написано: "Вечная память". Потом бересту заменит табличка со светоотражающими элементами.

В августе 1933 года инструктор Нарымского окружкома ВКП(б) Василий Величко, первый расследователь "Назинской трагедии", не побоялся написать лично Сталину о том, что творится на "острове Смерти":

"Люди были высажены в том виде, в каком они были взяты в городах и на вокзалах: в весенней одежде, без постельных принадлежностей, очень многие босые. При этом на острове не оказалось никаких инструментов, ни крошки продовольствия, весь хлеб вышел и в баржах, поблизости также продовольствия не оказалось. ... На второй день прибытия первого эшелона 19 мая выпал снег, поднялся ветер, а затем мороз. Голодные, истощенные люди без кровли, не имея никаких инструментов... очутились в безвыходном положении... Люди начали умирать... Вскоре началось изредка, а затем в угрожающих размерах людоедство. Сначала в отдаленных углах острова, а затем где подвертывался случай... В результате всего из 6100 чел., выбывших из Томска... на 20 августа осталось 2200 чел.

Я трезво отдаю себе отчет в том, что написать такое письмо значит взять на себя большую ответственность. Я допускаю, что ряд моментов изложены не точно, могут не подтвердиться, или подтвердиться, но не полностью, допускаю, что многого я просто не знаю – потому, что пользовался неофициальными источниками, но я рассуждаю так: еще хуже молчать".

Сталин прочел письмо, и ему очень не понравилось, как бесхозяйственно распоряжаются чекисты советским человеческим материалом. Сталин велел приведенные факты расследовать, а уличные аресты прекратить. Но к тому времени уже тысячи ссыльных стали в Назине жертвами голода и людоедства.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Он рассказал правду про остров Смерти

– Моя мама Любовь Данилова всю войну работала медсестрой в госпитале, – рассказывает Михаил Борисов. – На десять девчонок с войны вернулся только один парень, это послевоенное поколение молодых женщин было обречено на одиночество. И мама с двумя подругами после войны решили поехать вольнонаемными в ГДР, где находились наши воинские части и служило много советских офицеров. Девушки надеялись найти там себе женихов и таким образом устроить личную жизнь. Предстояло собирать много документов и проходить разные проверки. Перед самым отъездом маму позвали на Лубянку в КГБ и спросили, не хочет ли она узнать судьбу своего отца. Девушка испугалась. Она подумала, что если она скажет "хочу", то вдруг что-то всплывет и ее не возьмут в Германию. И она сказала, что родители давно разошлись, и ей это неинтересно... Тогда ей подписали документы. Всю жизнь потом мама переживала, что ей пришлось вот так ответить. На самом деле она очень хотела узнать судьбу отца. Когда несколько лет назад я сообщил сестре, что наш дед мог сгинуть на "острове Смерти" Назино, мамы уже не было на свете. Сестра только и сказала: "Слава Богу, что мама не узнала, как страшно окончилась его жизнь..."

Храм в поселке Назино

Еще один поклонный крест путешественники установили на второй день на мысу в устье реки Назинки, там, где она впадает в Обь.

– Подробности "назинского инцидента" мы знаем из письма инструктора Василия Величко. Но были в тех краях и менее известные случаи, когда на острова высаживали людей, и они там массово гибли по тем же самым причинам, – рассказывает еще один участник поездки, активист уральского "Мемориала" Анатолий Свечников. – После 1933 года советскому руководству стало понятно, что на острова лучше не высаживать, и также невозможно было высаживать в местах поселений из-за вероятных конфликтов с местным населением. Было принято решение расселять этапы спецпереселенцев по берегам рек, на значительном удалении от жилых поселков. В этих поселениях, в том числе и по берегам реки Назинки, также погибли тысячи людей. Второй крест на берегу реки мы установили в память о них.

Изготовление поклонного креста

Работы на этот раз оказалось больше, потому что крест пришлось изготавливать прямо на месте. Четырехметровый брус привезли на моторной лодке. Потом его предстояло поднять на отвесный берег, вытесать топором пазы для перекладин и укрепить их на основании креста. Для пропитки в этот раз использовали отработанное машинное масло. Получилось не хуже, чем олифа. Красили всем миром при помощи импровизированных кисточек, которые тут же сделали из травы.

|"Помним, и помогаем помнить другим"

Вверх по течению реки Оби на расстоянии около 20 километров от Назина прежде стоял поселок Верхневартовск. В сороковые годы по соседству с ним массово селили поволжских немцев. Теперь на месте бывшего поселка и землянок спецпереселенцев вырос могучий сосновый лес, который до сих пор хранит еще десятки, если не сотни предметов человеческого быта. Если включить металлоискатель, земля под ногами буквально звенит. Встречаются как раннесоветские, так и дореволюционные предметы, например кованые гвозди.

Станислав Кармаев

Поисковик из Томска **Станислав Кармаев** уже несколько лет собирает разные интересные экспонаты, которые потом раздает краеведческим музеям. В Верхневартовске компанию Станиславу составил местный житель Евгений Миллер, выходец из семьи немецких спецпереселенцев. Для него эта вылазка имела особое значение: он точно знает, что в одной из этих землянок в 1940-е годы еще мальчишкой жил его дед вместе со своей мамой.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Ты за что в Нарым попал?" Тюремные песни спецпереселенцев

Вооружившись металлоискателями, исследователи проходят землянку за землянкой, точнее то, что от них осталось. Деревянные перекрытия давно сгнили, земля по краям обвалилась, но стоит немного здесь покопать – и вот уже обнаружился гирька для весов, печная заслонка, полусгнивший чугунок, прошитая гвоздями резиновая стелька и осколок очень тонкого стекла. Кармакских предполагает, что там, где обнаружилась гирька и осколок, скорее всего, поселенцам выдавали продукты. Стекло в землянках было большой роскошью, на которую мог рассчитывать разве что комендант поселения.

– У меня возникла идея одну из этих землянок реконструировать, как мы сделали в прошлом году в деревне Палочка, – рассказывает Станислав Кармакских. – Выкопать её до того размера, как она была, застелить брёвнами, защитить. Чтобы, если после нас поедут какие-то туристы или охотники, они могли посмотреть, как это было. Редко встречается мемориальное сооружение прямо на месте событий, и хотелось бы, чтобы и наша молодёжь как-то приобщалась к этому знанию. Почему-то тему прошедшей войны в школах поднимают постоянно, а вот тему репрессий, тему геноцида наших собственных предков как будто стараются забыть. Якобы она прошла. Но ничего она не прошла, к сожалению, все идет к тому, что общество на эти грабли, наверное, наступит еще не раз.

Евгений Миллер на краю бывшей землянки

Еще в пяти километрах вверх по Оби – бывший поселок Амбары. Сюда предков Евгения Миллера вместе с товарищами по несчастью переселили в пятидесятые годы, и жили они теперь не в землянках, а в деревянных бараках. От самих бараков уже не осталось практически ничего, лишь пышные заросли малины, смородины и крапивы, свидетельствующие, что когда-то здесь люди вели придомовое хозяйство.

В густой нехоженой траве все шансы наткнуться на гадюку, но это не останавливает путешественников. Они пытаются найти дорогу на деревенское кладбище, его следы уже практически уничтожил лес. В непроходимой чаще им удастся все-таки обнаружить одну старую могилу, заботливо обнесенную чудом сохранившейся деревянной оградкой. Евгений шарит металлоискателем по земле, надеясь обнаружить табличку с именем усопшего. Остатки жестяной таблички действительно находятся у подножия могилы, однако прочесть на них ничего уже нельзя. Установить, кто здесь похоронен, невозможно. Зато неподалеку по сигналу металлоискателя удалось извлечь из земли лезвие старого топора. По его форме Станислав понимает, что инструмент мог быть сделан в первые годы советской власти.

Кармакских и Штатолкин в Назино

Большую часть находок Станислав и Евгений решают отдать в местную библиотеку, надеясь, что в Назине когда-нибудь появится собственный музей.

Вечером все члены экспедиции, глава поселка и заведующая библиотекой снова собрались все вместе у назинского храма, чтобы установить на его венце памятный овал с портретом Ивана Данилова. Затем Борисовы и Кармакских поднялись на колокольню и позвонили в колокола по всем невинно загубленным на этой суровой земле.

– Мы помним этих людей и помогаем помнить другим, – говорит на прощание Евгения Борисова. – Когда мы на необитаемом острове и на реке Назинка поставили кресты, считай, увековечили их память, мы, возможно, в чем-то помогли их родственникам, которые не смогли сюда добраться, но хотели бы. Потому что здесь был не только наш предок, но и предки других людей, которые погибли вместе с ним. Нас это объединяет, и то дело, которое мы сделали, – сделали за всех, в память всех остальных погибших тоже. Мы вместе, мы – те, кто ездили, и те, кого там не было, но которые с нами душой и сердцем, которые помнят своих родных.

Сибирь.Реалии © 2022 RFE/RL, Inc. | Все права защищены.